

Нередко ссыльные и сами ходили к генерал-губернатору со своими делами.

* * *

Нравы в высших чиновничьих кругах Иркутска царили патриархальные. Состав администрации был, в общем, неплохой. Правда, жандармы были здесь именно таковы, какими полагалось быть представителям этого ведомства; в тюремной инспекции процветал черносотенный карьеризм; прокурорский надзор и суд отличались свирепостью. Но наряду с этим, в губернском правлении и в составе советников генерал-губернатора было несколько порядочных и прогрессивно настроенных людей. Во главе же всей администрации края стоял Л. М. Князев.

Я уже упоминал о нем, говоря об Александровском центральном. Но здесь я хотел бы привести еще один штрих для характеристики этого подлинно хорошего человека.

В начале 1913 года я обратился к генерал-губернатору за разрешением переехать из Жилкина в город. Сделав на моем прошении пометку «удовлетворить», Князев стал расспрашивать меня об Александровском и о Снежкове, а в заключение разговора сказал:

— Позвольте мне теперь, не как генерал-губернатору, а как старому человеку, дать вам добрый совет. Из встреч с вашими товарищами я вынес впечатление, что политические ссыльные считают, что отбытое наказание закрепляет за ними право свободно исповедывать те убеждения, за которые они были осуждены. Боже упаси меня посягать на чьи бы то ни было убеждения, — но я хотел бы указать вам, что такая точка зрения не может быть принята государственной властью... А кроме того, тут жандармы, с их шпионством, доносами, — они ищут повода, чтобы привязаться. И повод, чаще всего, дает им ваша доверчивость, неосторожность. Письма, бумажки... Если вы делаете то, что подсказывает вам совесть, по крайней мере, будьте осторожны, не давайте материала жандармам.

Я поблагодарил генерал-губернатора за добрый совет и хотел уходить, но он задержал меня и прибавил:

— Еще одна просьба к вам. Вы, разумеется, знаете Брешко-Брешковскую... Очень почтенная женщина. Жандармы ее особенно ненавидят, перехватывают все ее письма... Так надо предупредить ее. Она очень много пишет, и слог у нее такой... поэтический... Но в жандармском все переплывают: она пишет о цветах, а там решают, что это говорится о бомбах, и все в этом роде. Ей следует быть осторожней.

Разумеется, в период господства озорной реакции такой человек не мог долго удержаться на высоком посту. Жандармы интриговали против него, обвиняя его в послаблениях политическим и евреям. И, в конце концов, они добились своего: Князева убрали и на его место прислали из Петербурга Пильца, ничтожного чиновника-карьериста¹⁾.

* * *

Среди политических ссыльных в Иркутске отчетливо выделялись две группы, почти что два лагеря: социал-демократы и социалисты-революционеры. Антагонизм между этими группами тем больше бросался в глаза, что в других местах ссылки, в волостях и в Александровском, никто не вспоминал о партийных делениях.

Социалисты-революционеры в Иркутске были гораздо теснее связаны с местной жизнью, чем социал-демократы. Среди каторжан и поселенцев эсэров было много коренных иркутян и вообще сибиряков. Ближе к ним стояли старые народники, уже ассимилировавшиеся с местной обывательской массой. Более или менее определенно эсэровствовали

1) Непосредственным поводом отставки Л. Князева послужила его солидарность с архиепископом иркутским Иннокентием, который был удален со своего поста за непочтительные отзывы о Распутине.